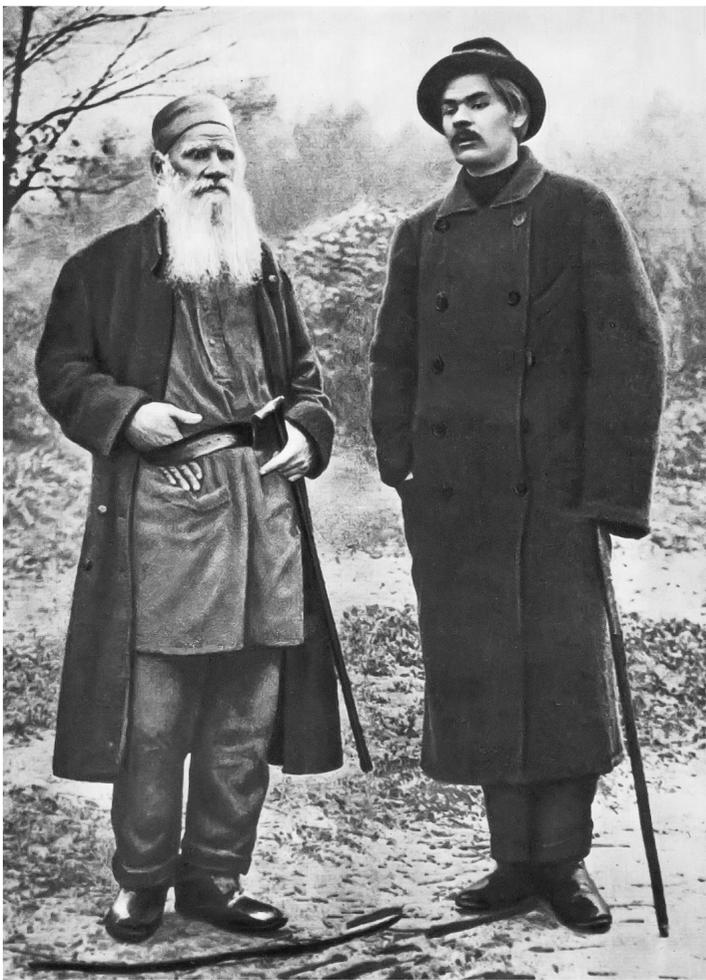

РОДНАЯ РЕЧЬ

Что происходит с родной речью

тотель, к примеру, считал, что «кто ясно мыслит, ясно излагает». А.С. Пушкин главной ценностью прозы считал «краткость и точность». Афанасий Фет патетично мечтал: «О, если бы без слов сказаться мыслью было можно!» Без слов – сказаться мыслью! А блистательный стилист и поэт Федор Тютчев, говоря о «несовершенстве и слабости» собственного языка, искренне сокрушался: «Мысль изреченная есть ложь». И все-таки именно они, гении Слова, создавали основу нашего сегодняшнего повседневноязычного языка. После домоновых, державиных, капнистов и фонвизиных именно они в XIX веке задали его реалистический тон. Кстати, «задать тон» (безмерна образность русского языка!) значит: подать оркестру или солисту чистый звук ноты «ля». Так сказать, для проверки и каждого инструмента, и общего, гармоничного инструментального «хора». Стало быть, камертон, точность звучания, или «правильность» языка, и определяют его гармонию. Это аксиома, языковая норма в нашей литературной классике, к которой должна приближаться и живая речь. И хотя речь, как сама жизнь, явление подвижное (вливают и аргю, тюремная речь, и иноязычная агрессия), а стало быть, изменчивое, нормы языка и через два века остаются прежними, как, скажем, группа крови у человека. Вот почему попытки пересмотра языковых норм и ввода новых реформ, которые русским со странным упорством с начала перестройки навязывают разные чиновники, обречены на провал.

В связи с этим вспомним Натасу Ростову, юную героиню «Войны и мира», которая после обеда с живым лукавством спрашивает мать: «Мама! Какое пирожное будет?» И мама отвечает: «Мороженое, только тебе не дадут...» На первый взгляд архаизм либо несурезица. Но Толстой не грешит против правды речи тех лет, когда всякое сладкое блюдо, подаваемое на десерт, называлось «пирожным» (от слова «пир, пировать, наслаждаться»). Воистину – «На пирожное было мороженое, и Катин простыла». А вот в тургеневском романе «Отцы и дети», например, написано так: «Николай Петрович имел вид озабоченный. Ему донесли, что в его пшенице... показалась головня». Что это за головня такая? Во всяком случае, не обугленная и тлеющая головешка, как пояснили однажды нелюбопытные абитуриенты МГУ, а «опасное, грибовое заболевание зерновых». Так что русский классик был точен.

Вообще понятие «точность» в художественном произведении имеет особый смысл. По деталям в произведениях хороших писателей можно изучать минувшие эпохи. И образное слово тут главное. Оно как кисть и краски.

Толстой писал: «Надо стараться довести свою мысль до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто прочтет, сказал бы: «Толстой-то?.. Да ведь это так просто». А для этого нужно огромное напряжение и труд, труд, труд. Умение склоняться над листом бумаги и перед Его Величеством Словом». Творческое напряжение Толстого за письменным столом было воистину титаническим. «Войну и мир» он переписывал 7 раз (об этом свидетельствуют и дочь Татьяна, и жена Софья Андреевна), «Анну Каренину» – 11 раз, «Воскресенье» – 6 раз. И никаких тебе пишущих машинок, и уж тем более компьютеров!

Впрочем, большинство истинных писателей обычно многократно переписывали свои сочинения. Пушкинские черновики перечерканы настолько, что читаем их с трудом. А Цветаева! Ее ночные бдения, которые она проводила в мучительных поисках единственно нужного слова. Поиски, о которых в своей книге «Искусство при свете совести» Марина Иванова с жаром писала: «Не то... Не то... Не то...» И вдруг счастливый возглас: «Это!»

По деталям в произведениях хороших писателей можно изучать минувшие эпохи

Вот он – момент истины! Нашла... Угадала внутренним слухом!.. Поймала, словно Жар-птицу, из многих возможных именно это (!) – единственно нужное Слово.

А сегодня от авторов несовершенных стихов порой приходится слышать: «А зачем переделывать? Я так чувствую. Пусть остается, как легло». Что ж, пусть остается. Только есть аксиома – истинный писатель начинается с момента поиска, переписывания. В первоначальных вариантах поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Николай Алексеевич Некрасов (ныне незаслуженно плохо преподаваемый в школах и вузах) так писал о своем герое:

*Поехал в город парочкой!
Глядим, ветет отпугово
Пожиточки свои.*

Казалось бы, все ясно, но в опубликованном варианте текст звучит так:

*Поехал в город парочкой!
Глядим, ветет из города
Коробки, тюфяки...*

Действительно, один из героев поэмы, немец Фогель, возвращается из города в повозке, запряженной «парочкой» лошадей. К тому же полной не просто пожитков, а именно «коробок и тюфяков», что гораздо образней, живописней и... многозначней. Как-то Н.А. Некрасов писал Л.Н. Толстому: «Мне жаль моей мысли, так бедно я ее поймал словом». (Каков?!.. Поймал слово! – И.Р.) И далее: «Бывало, я

был к себе неумолим и просяжи-вал ночи за пятью строками... Всегда досадую, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т.п. Выдор! Слово всегда есть, да ум наш ленив...»

Ну а «пройтись» по многократно исписанном, изрисованном, исчерканном черновикам А.С. Пушкина нынешнему филологу, да и просто читателю, сущий праздник. Если Эллоке-людоедке для общения хватало тридцати слов, то наш любимый Сергей Есенин пользовался уже примерно тремя тысячами. А Федор Тютчев, как подсчитали ученые, – шестью. Ну а Пушкин? Как вы думаете, сколько в его творчестве задействовано русских слов? Не поверите – более 16 тысяч!.. Вот тут воистину и поймешь, почему Пушкин – «наше все».

Помните, описание вьезда в Москву Татьяны Лариной в «Евгении Онегине»: «Возок несется через ухабы, /Мелькают мимо будки, бабы, /Мальчишки, лавки, фонари, /Дворцы, сады, монастыри...» Всеохватная картина жизни еще незнакомой провинциальной Тани столицы. Но в черновых вариантах все

было к себе неумолим и просяжи-вал ночи за пятью строками... Всегда досадую, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т.п. Выдор! Слово всегда есть, да ум наш ленив...»

Например, в «Евгении Онегине» я всегда попросту, без затей произносила строку:

*...И русский Н как N
французский
Произносить умела в нос...*

Ну и что, кажется, особенно-го? Ну, произносила в нос. Но оказывается – не тут-то было! Ошибочка всплыла сразу же! На словах «Русский Н». Ведь по-пушкински, то есть по языковым нормам прошлого века, это «Н» следует произносить как алфавитную букву, то есть «Наш». «Аз (а), баки (б), веда (в), глаголь (г)... наш (н)...» Да-да, и читать надо именно так: «И русский «наш» как N французский произносить умела в нос...» Ну, а мы читаем «н» неверно из-за незнания этой тонкости. И еще потому, что «н» и «наш» одинаково укладываются – в один слог.

Или вот еще. Татьяна собирается послать Евгению написанное ночью письмо с просьбой о любовном свидании. Нянюшка, наблюдая за ней, беспокоится: «Ты вся горюшишь...» Но Тана даже не слышит ее:

*Татьяна то вздохнет,
то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая свисает
На опаленном языке.*

В детстве, читая эти строки, я, как и многие, думала, что Тана, судя по ее жуткому состоянию, должна проглотить какую-то успокоительную розовую таблетку. Возможно, данную ей, так сказать, «за кадром», той же няней.

СПРАВКА «СВ»

Ирина Ракша – внучка выдающейся русской певицы Надежды Плевицкой, вдова известного художника Юрия Ракши. Еще школьницей в 50-е годы из московского дедушкиного профессорского дома она отправилась на освоение целинных земель Алтая: работала трактористом, почталеном, учетчиком. Вернувшись в Москву, окончила сценарный факультет ВГИКа, Литературный институт им. Горького. Ирина Ракша – создатель художественных и документальных фильмов, автор более 30 книг прозы, переведенных на многие языки мира.

В этом году выпускники школ удивительно плохо написали ЕГЭ по русскому языку – образовательным властям пришлось даже снизить проходной балл, иначе двоек было бы около 50 процентов. И всем стало ясно – это тенденция. Специалисты считают, что знание языка во многом зависит от качества чтения. О том, что же происходит с «великим и могучим», с нами и с литературой, рассуждает известная российская писательница Ирина РАКША.

Сегодня, когда число людей, называющих себя писателями и поэтами, растет непомерно, мне захотелось коснуться некоторых деталей мучительной (но и прекрасной) писательской профессии. Правда, замечу, в XX веке называть себя писателем, даже имея на книжной полке ряд отнюдь не «самиздатовских» книг, а за спиной долгие годы профессиональной работы, считалось неприличным.

Признаюсь, я и сама долгие годы стеснялась называть себя писателем. Мне казалось, это все равно что назвать себя «хорошим человеком». Даже блестящий прозаик второй полови-

ны XX века Юрий Казаков, с которым мне довелось дружить, именовал себя «литератором». А сегодня с кем ни заговоришь, он уж и «поэт», он уж и «писатель», и книжка в руках, а то и не одна, правда, изданная за свой счет. Я, конечно, не против свободы изданий, но я против вседозволенности, пошлой самоуверенности, с которой иные, внешне как бы нехотя, идут в литературу, как в казино. Их сочинения часто так беспомощны, что на этом фоне любая Донцова покажется классиком. И нелепо становится за издательство, тиснувшее на обложке своей логотип. Деньги, как гово-

рится, деньгами, а все же в начале-то было Слово!

Сегодня хочу сказать несколько слов о блистательном русском языке, с которым чем дальше работаешь, тем больше восхищаешься. И вновь понимаешь, что ни на какой английский нашего Пушкина, например, достойно не переведешь. Неслучайно же англичане, читая Пушкина в переводах, удивляются: «Ну и что ж тут гениального?» А объясняется просто. Не тот запас слов! «Мала кольчужка».

О связи мысли и слова, об их единстве издавна говорили многие мудрецы мира сего. От античности до наших дней. Ари-

стотель, к примеру, считал, что «кто ясно мыслит, ясно излагает». А.С. Пушкин главной ценностью прозы считал «краткость и точность». Афанасий Фет патетично мечтал: «О, если бы без слов сказаться мыслью было можно!» Без слов – сказаться мыслью! А блистательный стилист и поэт Федор Тютчев, говоря о «несовершенстве и слабости» собственного языка, искренне сокрушался: «Мысль изреченная есть ложь». И все-таки именно они, гении Слова, создавали основу нашего сегодняшнего повседневноязычного языка. После домоновых, державиных, капнистов и фонвизиных именно они в XIX веке задали его реалистический тон. Кстати, «задать тон» (безмерна образность русского языка!) значит: подать оркестру или солисту чистый звук ноты «ля». Так сказать, для проверки и каждого инструмента, и общего, гармоничного инструментального «хора». Стало быть, камертон, точность звучания, или «правильность» языка, и определяют его гармонию. Это аксиома, языковая норма в нашей литературной классике, к которой должна приближаться и живая речь. И хотя речь, как сама жизнь, явление подвижное (вливают и аргю, тюремная речь, и иноязычная агрессия), а стало быть, изменчивое, нормы языка и через два века остаются прежними, как, скажем, группа крови у человека. Вот почему попытки пересмотра языковых норм и ввода новых реформ, которые русским со странным упорством с начала перестройки навязывают разные чиновники, обречены на провал.

В связи с этим вспомним Натасу Ростову, юную героиню «Войны и мира», которая после обеда с живым лукавством спрашивает мать: «Мама! Какое пирожное будет?» И мама отвечает: «Мороженое, только тебе не дадут...» На первый взгляд архаизм либо несурезица. Но Толстой не грешит против правды речи тех лет, когда всякое сладкое блюдо, подаваемое на десерт, называлось «пирожным» (от слова «пир, пировать, наслаждаться»). Воистину – «На пирожное было мороженое, и Катин простыла». А вот в тургеневском романе «Отцы и дети», например, написано так: «Николай Петрович имел вид озабоченный. Ему донесли, что в его пшенице... показалась головня». Что это за головня такая? Во всяком случае, не обугленная и тлеющая головешка, как пояснили однажды нелюбопытные абитуриенты МГУ, а «опасное, грибовое заболевание зерновых». Так что русский классик был точен.

Вообще понятие «точность» в художественном произведении имеет особый смысл. По деталям в произведениях хороших писателей можно изучать минувшие эпохи. И образное слово тут главное. Оно как кисть и краски.

Толстой писал: «Надо стараться довести свою мысль до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто прочтет, сказал бы: «Толстой-то?.. Да ведь это так просто». А для этого нужно огромное напряжение и труд, труд, труд. Умение склоняться над листом бумаги и перед Его Величеством Словом». Творческое напряжение Толстого за письменным столом было воистину титаническим. «Войну и мир» он переписывал 7 раз (об этом свидетельствуют и дочь Татьяна, и жена Софья Андреевна), «Анну Каренину» – 11 раз, «Воскресенье» – 6 раз. И никаких тебе пишущих машинок, и уж тем более компьютеров!

Впрочем, большинство истинных писателей обычно многократно переписывали свои сочинения. Пушкинские черновики перечерканы настолько, что читаем их с трудом. А Цветаева! Ее ночные бдения, которые она проводила в мучительных поисках единственно нужного слова. Поиски, о которых в своей книге «Искусство при свете совести» Марина Иванова с жаром писала: «Не то... Не то... Не то...» И вдруг счастливый возглас: «Это!»

ФОТОФАКТ

«Царская невеста» и остальные в Нью-Йорке

«Опера Большого театра с успехом дебютировала на фестивале Линкольн-центра в Нью-Йорке. Для участия в престижном смотре, ведущем свою историю с 1996 года, от оперного коллектива ГАБТа была заявлена «Царская невеста» Римского-Корсакова, прозвучавшая в концертном исполнении. К началу представления зал Эвери-Фишер-холл, рассчитанный более чем на 2,5 тысяч мест, был заполнен до отказа. Американские меломаны принимали исполнение практически неизвестной им русской оперы «Царская невеста» с невероятным энтузиазмом. Аплодировали отдельным ариям, дуэтам, ансамблям. А в завершении почти четырехчасового спектакля публика аплодировала десять минут стоя. Местные критики уверяют, что в США это редкое явление. «Замечательная публика, прекрасные слушатели, далеко не везде возможно такое теплое, искреннее восприятие», – отметил в

интервью ИТАР – ТАСС Геннадий Рождественский. «Все было восхитительно, превосходно», – делился впечатлениями зрители, отмечая работу оркестра, хора, солистов, в числе которых были Владимир Маторин, Ольга Кулчинская, Эльчин Азизов, Агунда Кулаева и другие звезды Большого театра. После «Царской невесты» Большой театр продолжает гастроли в Нью-Йорке балетной частью, которая проходит с 15 по 27 июля. Она включает три названия: «Лебединое озеро», «Дон Кихот» и «Спартак». В спектаклях заняты ведущие солисты труппы – Светлана Захарова, Мария Александрова, Екатерина Крысанова, Екатерина Шипулина, Ольга Смирнова, Анна Никулина, Владислав Лантратов, Семен Чудин, Артем Овчаренко, Михаил Лобухин, Денис Родкин, Александр Волчков, а также первый в новейшей истории ГАБТа американский премьер Дэвид Холберг.

ЕСТЬ ПРОБЛЕМА

Вернется ли в Крым золото скифов?

Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по культуре, искусству, творческому и культурно-историческому наследию Андрей Ковальчук рассказал в агентстве «Россия сегодня», что ситуация с возвращением коллекции скифского золота, уехавшей на выставку в музей Амстердама еще в феврале, до воссоединения России с Крымом, туманна.

Дело в том, что в коллекции около 500 предметов, в основном из музеев Крыма, но также представлены 20-30 экспонатов из киевских музеев. Тем не менее украинское Министерство культуры претендует на то, чтобы коллекция в полном объеме вернулась из Голландии исключи-

тельно в киевские музеи. «Ситуация сложная, – сказал Андрей Ковальчук, – и она находится в развитии. Все, что касается Крыма, по-разному оценивается руководством России и Украины, а стало быть, и министерствами культуры наших государств. И понятно, что голландская сторо-

на, на которую оказывается давление, находится в некотором недоумении и не знает, что делать на данный момент. Голландцы, я слышал по радио, продлили выставку до сентября, чтобы оттянуть сложное для них решение. В то время как есть совершенно нормальный путь передачи коллекции владельцу. Потому что рано или поздно – это понимает каждый здравомыслящий человек – Россия должна будет наладить сотрудничество с Украиной, начать снова дружить. В России живет много украинцев, на Украине много россиян, все так перемешано во взаимоотношениях наших стран и народов, что достижение согласия на новом этапе является очень важным кирпичиком в строительстве здания дружбы».

Журналисты заинтересовались, кому формально принадлежит коллекция и по чьим гарантийным письмом она отправлялась на выставку в Амстердам. «Я не музейщик, – сказал А. Ковальчук, – но знаю, что крайне сложно передать коллекцию даже из одного музея в другой. Помните, была идея создать единый музей в Москве, и для этого нужно было передать в него коллекцию из Санкт-Петербурга,

оказалось, это так сложно, что решение не приняли. При этом известно – все, что находится на территории государства, то есть и экспонаты любого музея, принадлежит ему. С другой стороны, коллекции собираются столетиями, это уникальное достояние самого музея, а разрушать музей крайне опасно, можно создать прецедент, который породит дальнейшие шаги по переделу культуры».

На мой взгляд, коллекция принадлежит именно музеям Крыма, с учетом, конечно, того, что малая часть ее взята из киевских музеев. Но мы знаем, какого рода вопросы мешают принять правильное решение голландской стороне, в частности, нам известна официальная позиция МИД Украины. Поэтому в Голландии, думаю, будут тянуть время до сентября-октября, отправят запросы из крымских музеев и киевских музеев в разные инстанции, юристам-международникам. Но я бы акцентировал внимание прежде всего на том, когда была собрана коллекция – при царизме, в советское время, когда Украина не владела Крымом, и он был принадлежностью РФ, или в 60-е-70-е, а то и в 90-е годы. Также надо внимательно чи-

тать договор, выявляя нюансы: как вывозилась коллекция – через Киев или прямым рейсом из Симферополя, проходила ли таможенно, кем были предоставлены документы по вывозу коллекции. Думаю, немало вопросов возникнет и у украинской стороны, и у юристов, и специалистов крымских музеев».

На вопрос журналистов, поможет ли Международный суд восстановить истину, если коллекция будет передана голландцами украинской стороне, А. Ковальчук сказал: «В этом случае Министерство культуры Крыма обратится в суд, и это будет нормально. Другое дело, что вопрос с коллекцией будет решаться в пакете, касающемся взаимоотношений России и Украины в момент, когда идут военные действия на юго-востоке Украины, и мы ищем точки соприкосновения».

«Круглый стол» закончился на ноте ожидания: прямых слушаний и конференций по золоту скифов в Общественной палате пока не проводится, документы изучаются юристами и специалистами, общественность ждет информации.

Нина КАТАЕВА

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА ПРЮКОБЕВА/ИТАР-ТАСС